

— Я боюсь, что я научился читать раньше, чем говорить, — я долго не говорил, а читать уже научился. Думаю, это произошло года в четыре... Первые книжки — это была традиционная такая советская мозаика от Чуковского до Маршака; а в школе у меня была по литературе пятерка, пока я не стал писать хулиганские сочинения и начал тройки получать не за незнание, а уже именно за собственное литературное поведение. Первое, кажется, было о Ремарке — “Три товарища”, естественно. Но это было уже после восьмого класса. Есть такая обойма книг, которые перечитываются на протяжении моей жизни: в нее входит Пушкин с его прозой, Гоголь, Платонов тоже входят в этот коктейль — это русские; а из иностранцев это Флобер, это Пруст, и это, я думаю, Гете — типа “Страдания юного Вертера”. И это Шекспир, безусловно, Шекспир — постоянно читаемый... Но что на меня повлияло определяющим образом как на писателя — это другое дело, другие вещи. То, что я перечислил, — эти вещи меня скорее настраивают, а повлиял на меня главным образом Достоевский... Вообще, у меня есть книга “В лабиринте проклятых вопросов” — это объяснение в любви к писателям. Начиная, конечно, с Достоевского. А хроно-

Виктор ЕРОФЕЕВ Федор ДОСТОЕВСКИЙ

логически моей первой любовью был маркиз де Сад, он же герой моей самой первой статьи, которая появилась в 1973 году и принесла мне первый успех. Он был моим учителем, литературно-философским — вместе с Достоевским, по которому я писал тогда кандидатскую диссертацию “Достоевский и французский экзистенциализм”. Потом, конечно, были Набоков, Розанов — но те были первыми. Очень большое влияние Луи-Фердинанда Селина, такого неожиданного французского писателя, я испытал; мне очень нравится малоизвестный Леонид Добычин, в семидесятые я написал о нем первую большую статью... Вот так вот.